

ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

АПОЛОГИЯ НАСИЛИЯ

До сих пор, рассуждая в своих очерках о традиционном воспитании и выступая его защитниками, мы старались доказать, что ярлык насилия неправомерно навешивается либералами на совершенно нормальные воспитательные принципы. Они готовы записать в насилие всё: строгость, поучения, запреты. Не говоря уж о неизбежных в родительской практике наказаниях.

И вот, наконец, мы почувствовали, что настал черёд поговорить о реальном насилии. Не нуждается ли и оно в адвокатах? Так ли аксиоматична формула, которую удалось достаточно прочно запечатлеть в массовом сознании: “Насилие = зло”? И всегда ли насилие противоречит христианской этике, христианскому поведению?

Наверное, плясать надо от печки, то есть начать с определения. Обычно мы для этих целей раскрываем словарь Даля. Но в данном случае, пожалуй, хватит и Ожегова. Он даёт три основных смысла: “1) Применение физической силы к кому-нибудь; 2) Принудительное воздействие на кого-нибудь или что-нибудь; 3) Притеснение, беззаконие”.

Однако в последнее время как-то так получилось, что третье толкование фактически заслонило собой первое и второе. В результате слово “насилие” имеет теперь сугубо отрицательную окраску. Обвинение в насилии сейчас настолько одиозно, что мало-мальски культурный человек готов разбиться в лепёшку, доказывая свою непричастность к этому страшному злу.

Любовь и кротость, увенчанные “Голубыми орхидеями”

Если же человек ещё и православный, то вопрос вообще не стоит. Какое может быть насилие? Только любовь и кротость. Из журнала в журнал кочуют истории про жён, которые своим смирением укрощали свирепый нрав мужей-язычников, про слёзы матери, растопившие ледяное сердце сына. А призывы не искать внешних врагов? Разве они утратили свою актуальность? Конечно, в перестроечную эпоху либерального романтизма любое упоминание о внешних врагах квалифицировалось как шизофренический бред. Сейчас тогдашние враги уже сами охотно раскрывают карты, публично делясь воспоминаниями о том, как они разваливали нашу страну, и обсуждая, что ещё осталось развалить для её полной “нейтрализации”, поэтому только очень наглые, продажные или недалёкие политики и журналисты по-прежнему твердят, что врагов у России нет. Зато либерально-романтическую эстафету неожиданно подхватили в некоторых церковных кругах. “Какие у христианина могут быть враги, кроме внутренних, то есть собственных грехов? С ними и надо бороться, им и надо давать отпор, – толкуют там. – А “теории заговоров” – вредный, опасный бред, уводящий человека от духовной брани”.

Между тем мир вокруг нас становится всё агрессивнее. Зверства, которые сегодня сделались неотъемлемой частью множества фильмов, книг и мультфильмов (!), ещё недавно не приходили в голову даже отпетым садис-

там. Ни один маньяк-убийца не измывался над своими жертвами с такой изощрённостью, как персонажи компьютерных игр, заполонивших детский досуг. Но не только виртуальное пространство перенасыщено агрессией. Как-то незаметно многие фашистские злодеяния, за которые фашизм, собственно, и был осуждён мировой общественностью, вернулись и особого осуждения уже не вызывают. Что-то воспринимается как новая реальность. Например, бомбёжки школ, роддомов, больниц, массовое убийство мирного населения в ходе операций, издевательски называемых “миротворческими”. Или, скажем, современные формы террора, когда истребляют не настоящих противников (вражеских военачальников, неугодных политиков или хотя бы конкурентов по бизнесу), а ни в чём не повинных людей. Причём в последние десятилетия террор становится всё более массовым и зверским, поскольку его жертвами всё чаще бывают дети. Террористы целенаправленно захватывают школы, детские сады, роддома, транспорт с детьми. И если в нашей стране народ, как мы видим, не готов мириться со зверствами типа бесланских, то современный Запад спокойно взирал и взирает на геноцид сербов в Косово или истребление русских в Чечне.

Каких-то явлений люди даже не замечают. Скажем, работорговли, пока она не коснётся их близких. Скольких девушек, пообещав им заграничную работу нянь или официанток, заманили в публичные дома! Скольких мужчин похитили и переправили в качестве рабов на Кавказ! Скольких детдомовских детей под видом усыновления продали педофилам и – ставшее привычным людоедское выражение – “на органы”! Про сталинские лагеря можно было сказать, что люди не знали (хотя кто не знал и что не знали?). Но тут-то информация открыта, её более чем достаточно и даже иногда с избыточными подробностями. Однако не сотрясает землю вселенский вопль протеста против такого чудовищного насилия.

Или возьмём опыты над людьми. Мы приходим в ужас, когда слышим про подобное в Третьем рейхе. А с тем, что сплошь и рядом творится сейчас, спокойно миримся и даже... не мыслим себе без этого жизни. Современные прививки – это ж в чистом виде опыты! Отсроченные последствия геномодифицированных вакцин пока не изучены. Так же, как неизвестно, что случится в будущем с младенцами, которых в роддоме в первые 12 часов жизни, когда совсем ещё не сформирован иммунитет, прививают от гепатита В.

Люди старшего поколения должны хорошо помнить фильм “Нюрнбергский процесс”. Самый страшный, самый пронзительный момент в этом фильме – показание мужчины, которого, будто домашнее животное, подвергли стерилизации. Тогда это воспринималось как немыслимое унижение, запредельное насилие. Сейчас, когда фашистская идеология сокращения рождаемости набрала обороты, в наших роддомах женщин тоже нередко стерилизуют без их согласия: во время вторых или третьих родов, если это происходит не самостоятельно, а с помощью кесарева сечения, “заодно”, пока роженица находится под наркозом, ей перевязывают трубы. Об этом уже много пишут, приводя конкретные случаи, рассказывают на лекциях по подготовке к родам. Но как-то не слышно не только о подготовке нового Нюрнбергского процесса, но и о заявлении хоть одной потерпевшей, поданном в районный суд. Ну, стерилизовали... И что с того? Зачем раздувать из мухи слона? В общем, многие виды насилия постепенно перестали восприниматься людьми как криминал.

Некоторые, правда, пока ещё воспринимаются, но это такие чудовищные кошмары, которые совсем недавно были в современном мире вообще невозможны. О людоедах мы читали в сказках, но представить себе, что в Москве и других местах есть сатанинские секты, где практикуется каннибализм, не могли даже бывалые оперативники. А скажи кому-нибудь 15 лет назад, что крошечных детей будут насиловать, изощрённо мучить и убивать перед объективом видеокамеры, тебя сочли бы помешанным, подлежащим немедленной госпитализации. Сейчас такие документальные кадры могут увидеть все желающие, сидя у экрана домашнего компьютера. В ТОМ ЧИСЛЕ И ДЕТИ.

Причём, несмотря на усилия правоохранительных органов, “Голубые орхидеи” (название одной такой организации педофилов-кинолюбов) расцветают пышным цветом и действуют, несмотря на внешнюю разобщённость, весьма слаженно. Да, в такой безмятежной реальности осталось только запретить родителям наказывать детей, государству – “притеснять” преступ-

ников, а всяким “патриотическим отморозкам” — искать внешних врагов, плод их, “отморозков”, большого воображения.

Кто спорит? Конечно, хорошо было бы и с хулиганами, и с преступниками, и с внешними врагами, которых якобы нет, решать все вопросы в духе кротости. Но увь, так получается не всегда, о чём ещё две тысячи лет назад предупреждал нас апостол Иуда. “И к одним будьте милостивы, с рассмотрением (читай: тоже в пределах разумного. — Авт.), — поучал он, — а других страхом спасайте, исторгая из огня” (Ид.1:22-23).

И Господь наш Иисус Христос, как мы помним, не только увещевал, но и бичом изгонял, и геенной грозил. А какие страшные кары нераскаянным грешникам пророчил в “Откровении” Апостол Любви! Всё цитировать не будем, ограничимся одним фрагментом: “Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан ей был ключ от кладезя бездны. Она отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя. И из дыма вышла саранча на землю, и дана ей была власть, какую имеют земные скорпионы. И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих. И дано ей не убивать их, а только мучить пять месяцев; и мучение от неё подобно мучению от скорпиона, когда ужалит человека. В те дни люди будут искать смерти, но не найдут её; пожелают умереть, но смерть убежит от них” (Откр. 9:2-6).

Не одной молитвой

За свою теперь уже довольно длинную жизнь мы не раз наблюдали парадоксальную, на первый взгляд, картину. Человек ведёт себя нагло, вызывающе, злобно. И пока ты пытаешься унять его “в духе кротости”, он не то что не унимается, а всё больше сатанеет. Но когда наконец ты даёшь ему резкий отпор (в том числе и физический), он мигом успокаивается. И что самое интересное — в чём, собственно, и заключается парадокс, — **БЫВАЕТ СЧАСТЛИВ**. Это последнее обстоятельство нас долго ставило в тупик. Казалось бы, чем так очастливлен тот, кто так настойчиво, так яростно чего-то требовал или чему-то сопротивлялся? Причём результат не просто нулевой, а резко отрицательный. И своего не добился, и, вульгарно выражаясь, “получил по мозгам”.

Пожалуй, впервые мы столкнулись с этим феноменом около пятнадцати лет назад, работая с одним очень агрессивным, своевольным ребёнком. Он проявлял устойчивый негативизм, в общих играх не участвовал, делал только то, что хотел, и при этом постоянно был недоволен, никогда — во всяком случае, на занятиях — не улыбался. Такая мрачность редко встречается у детей дошкольного возраста. Его лицо постоянно искажалось злобными гримасами. Он мог ни с того ни с сего замахиваться кулаком и на детей, и на взрослых, отнимал игрушки, грубил. Однажды этот шестилетний злыдень особенно разбушевался, никакого удержу на него не было, и мы, чтобы не срывать занятия, выставили его, упиравшегося и выкрикивающего угрозы, в коридор. Он тут же ворвался снова. Пришлось выставить вторично и запереть дверь изнутри. Некоторое время занятия было вести ещё труднее, поскольку разъярённый Степан буйствовал за дверью, стучал в неё кулаками и орал, как резаный. Когда, наконец, наступила тишина, мы решили, что Стёпа с мамой ушли и больше не появятся. Однако в перерыве нас ожидал сюрприз. Стёпа не только не ушёл, но попросил прощения. И получив его, услышав от нас, что он хороший мальчик, вдруг преобразился. Лицо его просияло, стало необыкновенно милым, он порывисто обнял одну из нас и шепнул на ухо: “Можно я всегда буду с вами играть?” После этого эксцесса с катарсическим финалом Стёпа сделался кротким, как ангел. Было даже не очень понятно, зачем ему продолжать заниматься. Разве что для удовольствия. Между прочим, самым большим удовольствием для него стало делиться с детьми игрушками.

С той поры мы не раз наблюдали случаи вразумления через насилие или через его угрозу. В скольких семьях, где подростки становились неуправляемыми, положительный перелом наступал лишь тогда, когда родители, исчер-

пав все средства и отважившись пойти наперекор принципам современного воспитания, переходили к “силовым методам”: сажали под замок, отправляли в глухомань, чтобы изолировать от дурной компании, и даже – о, ужас! – пороли ремнём. Дочь наших знакомых, которая в свои пятнадцать лет была уже наркоманкой и проституткой со стажем, удалось спасти только благодаря тому, что её силой, чуть ли не связанную, увезли в далёкий монастырь. До этого что только ни делали – всё было без толку. А тут, пожив в монастыре два с половиной года, она вернулась нормальным человеком. Внешне – и то изменилась до неузнаваемости. Сейчас получает профессию, вышла замуж, родила ребёнка. Другие же знакомые, когда их дочь–старшеклассница начала отбиваться от рук: сперва прогуливала школу, потом могла не прийти ночевать, – категорически отвергали идею насилия, говоря, что у них слишком мягкий характер, да и Света – большая девочка, поздно наказывать. В результате она уже год как числится в розыске и неизвестно, жива ли вообще.

Мальчикам-подросткам сильная рука нужна ещё больше. Да что подростки! Сколько женщин подтвердят вам, что на их мужей, одуревших от пива, телевизора и жёлтой прессы, ласковые уговоры действовали прямо противоположным образом: они только ещё больше нагнали и распоясывались. И так продолжалось до тех пор, пока этому НАСИЛЬНО не был положен конец. В каких-то случаях дело обходилось “малой кровью”: муж урезонивался после того, как на некоторое время был выставлен из дома или побит братом жены. Или самой женой. Последний вариант приводится в полюбившейся православным читателям книге “Отец Арсений”.

В главе “Доброе слово” медсестра Люба рассказывает о своей мачехе Наташе, к которой у неё сперва было крайне неприязненное отношение. Обращалась она с мачехой просто безобразно, но той терпением и кротостью удалось, в конце концов, завоевать сердце несчастной, озлобленной сироты. Зато с мужем, позволившим себе безобразную выходку, Наташа обошлась иначе. Вот что вспоминает об этом Люба: “...один-два раза в год <отец>... приходил пьяный; тогда добрый и хороший папа превращался в отвратительного человека, хама и, да простит мне Бог, в свиноподобное существо... Мама очень пугалась, когда он приходил пьяный, забивалась в угол дивана и расширенными от страха глазами с ужасом смотрела на него; а он расхаживал по комнате, мерзко ругался, бил дорогие вещи, остервенело кричал и сильно бил маму, особенно по щекам. Иногда мама бросалась перед ним на колени, умоляла его утихомириться, но ответом были ругань и пощёчины, я бросалась защищать маму, но и мне доставалось...”

Когда пришла мачеха, я с нетерпением ждала прихода отца в пьяном виде, думая: покажет этой слюняйке и доброй размазне свою любовь и побьёт её. Так хотелось ей досадить! Примерно за месяц до моего примирения с тётёй Наташей папа пришёл с двумя приятелями сильно пьяный. Обычно, когда отец приходил пьяный, первым возвещал об этом дверной звонок. Звонок был беспрепятственным, казалось, тревожным и злым.

Мама Наташа была на кухне, а звонок злобно и неотрывно звенел... Слышу, мачеха говорит в передней:

– Пётр, зачем так звонишь – разбудишь Зою <сестру Любу>.

Послышалась непристойная брань; отталкивая мачеху, отец тащил в комнату двух приятелей, не переставая ругаться. Сдёрнул скатерть со стола, достал из карманов бутылки и закричал:

– Быстро закуски! – ругань в адрес мачехи залила комнату.

Я сидела за своим столиком и смотрела на мачеху – что теперь будет? Когда отец начнёт её бить?

Несколько мгновений мама Наташа растерянно смотрела на отца и его пьяных приятелей; резко повернулась, открыла входную дверь и, схватив одного из пришедших за воротник, поволокла на площадку. Что там было – не знаю. Вернулась за вторым и с силой, которую трудно предположить в ней, потащила, вытолкнула за дверь, с лестницы слышалась ругань.

Я смотрела на маму Наташу, тогда ещё мачеху, и видела: всегда доброе и приветливое лицо стало возмущённым и гневным, окаменевшим, решительным – это не была затравленная моя мама.

Остервеневший отец бросился к мачехе и ударил по лицу... Мама Наташа не испугалась ударов, не отскочила, не произнесла ни одного слова, схватила подвернувшуюся настольную лампу и стала бить ею отца.

– Ты что, ты что? – закричал он, стараясь вырвать лампу, но видя, что это невозможно, стал закрывать голову руками, сразу стих, присмирел, а мама Наташа, бросив лампу, схватила линейку и продолжила наносить удары, при этом лицо ее выражало брезгливость и отвращение, словно она выполняла противную, но необходимую работу.

Отец сразу протрезвел и только повторял:

– Успокойся, Наташа, успокойся, – а она молча продолжила ударять линейкой по рукам, плечам, голове. Бросив линейку, сказала:

– Все убрать! Если еще раз повторится, явишься пьяный, будешь сквернословить при детях и драться – выгону. Понял? Повтори!

Отец послушно убрал все, пытался просить прощения, но мама Наташа две недели не говорила с ним. Нас, детей, увела в другую комнату, обняла обеих и долго молилась вслух.

И вот здесь-то я и поняла, что мама Наташа – человек с сильным характером, и ее доброта, приветливость, помощь людям, забота о нас, чужих ей детям, строятся на основе глубокой ее веры в Бога. Конечно, я полностью осмыслила это, став достаточно взрослой.

Прожила она с отцом одиннадцать лет, пока папа не умер. Никогда больше отец не приходил пьяным, он, видимо, понял, что мама Наташа не безответная наша мама, и с ней его отвратительные поступки недопустимы” (“Отец Арсений”. М., Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2002, стр. 392–394).

Остается лишь добавить, что отец Арсений, услышав эту историю, очень высоко ее оценил, попросил рассказать ее вечером собравшимся гостям, а также записать, включив в раздел книги “Путь к вере”. Что и было сделано.

В других случаях предел бывает гораздо более жестким силовым воздействием: серьезной болезнью или увечьем, тюрьмой, неожиданной смертью. Ведь когда у человека что-то отнимают – здоровье, свободу, жизнь – это тоже насилие. И близкие, пустившие всё на самотёк, занявшие позицию невмешательства под видом кротости, делают соучастниками телесной и душевной гибели такого человека.

– Так мы же не бездействуем! Мы молимся! – заспорят убежденные противники насилия. – Молимся и стараемся всячески выразить своему сыну, дочери, мужу и прочим свою любовь.

И откуда такая уверенность в силе собственной молитвы? Конечно, она должна предварять, сопровождать и венчать любое дело. Но даже святые, молитвенники не чета нам, далеко не всегда ограничивались только этим видом противостояния злу. Хрестоматийный пример – Сергей Радонежский, пославший монахов Ослябю и Пересвета на поле брани, где они дрались не на жизнь, а на смерть, а впоследствии были канонизированы. А былинный Илья Муромец, который, как многие теперь с удивлением узнали, был вполне реальным воином, противостоявшим врагу всей своей богатырской силой?! Его святые мощи, словно в назидание нынешним противникам насилия, были сравнительно недавно вновь обретены и покоятся в ближних пещерах Киево-Печерской лавры.

Разве одной только молитвой защищал свое Отечество от турок наш новый святой – адмирал Федор Ушаков? Да и святая Моника, мать блаженного Августина, которую часто приводят в пример нынешним матерям как образец исключительно молитвенного влияния на ближних, в действительности старалась повлиять на беспутного сына самыми разными методами, вплоть до выгона из дому (то есть прибегла к суровому насилию). И лишь увидев некий знаменательный сон, разрешила Августину вернуться домой, о чем он прямо пишет в своей “Исповеди”: “Не Ты ли, Господи, послал ей это успокоительное сновидение, после которого она снова позволила мне жить в ее доме и вкушать пищу за ее столом, чего она не допускала с тех пор, как я увлекся столь противными ей убеждениями!”

После этого мать продолжала убеждать Августина и просила одного епископа поговорить с ее сыном, чтобы отвратить его от пагубного пути, но, по-видимому, все было напрасно. И вот тогда-то, когда практически все средства воздействия были исчерпаны, епископ, утешая Моника, сказал: “Успокойся и продолжай молиться; невозможно, чтобы погибло чадо стольких слез”. Но и потом Моника не только молилась. Она приехала вслед за сыном в Милан, и узнав, что Августин находится под влиянием проповедей знамени-

того миланского епископа Амвросия, познакомилась с ним и обращалась к нему за советом, как ей быть с сыном. А епископ, со своей стороны, тоже старался повлиять на Августина, часто говоря ему о счастье иметь такую мать. Так что это было не совсем то (или совсем не то!) кроткое невмешательство, которое предлагают нам в качестве эталона отношения к “трудным” подросткам некоторые православные богословы и публицисты.

Вообще противопоставление энергичного отпора злу (огульно называемое теперь насилием) и молитвы очень лукаво. То, что должно существовать в неразрывном единстве, настойчиво объявляется антагонизмом. На руку это только нашим врагам и предателям. А мы скорее должны руководствоваться формулой Фомы Аквинского: “Молиться надо так, как будто все зависит только от Бога, а делать надо так, как будто все зависит только от тебя”.

И нас лично очень радует то, что российское руководство стало наконец открыто признавать наличие у России врагов и давать им отпор. Хотя, на наш взгляд, пока что недостаточно решительно.

Принуждение к добру

Теперь о другом лукавом противопоставлении: дескать, вы с собой разберитесь, а близких оставьте в покое. У них свой выбор. Даже Господь не насилует свободную волю человека. И многие люди, услышав последний аргумент, теряются, испуганно затихают и чувствуют себя плохими христианами. Еще бы! Даже Господь, Сам Господь такого не делает, а они, ничтожные, дерзают.

Нам кажется, тут весь фокус в маленьком слове “даже”. Если даже Он “не”, то мы – тем более. Но давайте попробуем в эту схему подставить другой глагол. Например, “если даже Господь не является людям, то куда мы лезем?” Абсурд подобного вывода очевиден. Мало ли что еще Господь не делает по неизвестным нам (но известным Ему) мотивам. Разве есть такая заповедь – “Позволь человеку делать то, что он хочет”?

При этом люди, высказывающие столь необоснованные умозаключения, прекрасно знают, что выбор предоставлен человеку только при его жизни, а за гробом душа лишается такой возможности. Однако это не значит, что Господь целиком предоставляет человека самому себе. Сам не неволит, но заботясь о спасении заблудшего, посылает к нему людей, создает обстоятельства, которые могут способствовать его исправлению. И многие из этих “посланцев” не только вправе, но и обязаны НЕ предоставлять заблудшим свободы выбора. Родители обязаны воспитывать ребенка, даже если он активно сопротивляется. Контролер обязан штрафовать безбилетника, а в случае неуплаты штрафа применить более строгие санкции. Милиционеры обязаны ловить хулиганов и бандитов, надевать на них наручники и насильно доставлять в отделение. Что бы мы сказали о тюремной охране, которая, якобы подражая Господу, предоставляет свободу уголовникам, а те, как легко догадаться, выбирают свободу?

Нетрудно представить себе реакцию общества и на солдат, которые бы не подавляли силой оружия свободную волю фашистов на нашей территории, а дали бы ей разгуляться.

Ну а теперь, пожалуй, самое главное. Русский философ Иван Ильин, задолго до нас размышлявший о сопротивлении злу силой и даже назвавший так свою работу, писал: “Необходимо принудить к самопринуждению человека слабого в добре и неокрепшего во зле, ибо ему уже ничто другое не поможет”.

Разберемся, что означает эта несколько тяжеловесная фраза. Что такое – “принудить к самопринуждению человека слабого в добре и неокрепшего во зле”?

А то, что если человек не законченный злодей, но и добрые поступки совершать не рвется, его к ним принуждают. Принуждают к добру.

Эта мысль кажется сейчас вызывающе крамольной. Какая дикость! Разве можно принуждать к добру? Но если нельзя, то давайте отменим воспитание детей, ибо оно во многом состоит именно из принуждения к добру. Конечно, вначале используется весь арсенал “гуманных” средств: объяснения, уговоры, положительные примеры и стимулы. Но если не помогает, приходится застав-

лять. Сколько детей не хочет учиться, не хочет готовить уроки! И ничего — заставляют как миленьких. Те же, кто смотрит на безделье своих детей сквозь пальцы, не принуждают их к учебе, считаются плохими родителями.

А малыши? Как часто они не хотят делиться игрушкой или конфеткой. Но умная мать собственноручно передаст “частную собственность” жадничавшего сынишки соседу по песочнице. А жадину директивно “назначит” щедрым, сказав: “Вот молодец, Васенька, поделился! И ВСЕГДА БУДЕШЬ ДЕЛИТЬСЯ!” (Последней фразой она в скрытой форме дает понять, что и впредь ему не отвертеться, хочешь не хочешь, придется добреть.) А другая мать, как бы ни артачился ее драчливый сын, подведет его, предварительно шлепнув, к плачущей девочке, которую тот стукнул, и НАСИЛЬНО проведет его ладошкой по ее голове, приговаривая: “Анечка! Коля больше не будет. Он извиняется. Он нечаянно тебя ударил, ему очень стыдно”.

Глядишь — забияке на третий раз и впрямь станет стыдно. А на пятый он уже, может, и не ударит.

Конечно, чем старше человек, чем он осмысленней, тем естественнее его убеждать, а не принуждать. Но и взрослых порой принуждают к добру. Скажем, соседей, которые не реагируют на просьбы утихомириться, заставляют соблюдать правила общежития самыми разными способами: от стука в стену до вызова милиции. То есть принуждают к добрососедским отношениям. Солдат в армии принуждают и к дисциплине, и к смелости, и к выносливости. Автомобилистов достаточно жестко принуждают к добронравию на дорогах. Им, к примеру, хочется проехать побыстрее, но под угрозой штрафа, а то и отнятия прав они вынуждены пропустить пешеходов или машину “скорой помощи”. А чиновников (по крайней мере, в тех государствах, где всерьез борются с коррупцией) разве не принуждают под угрозой тюрьмы к честности, то есть не брать взятки? Подобных примеров уйма. Задумайтесь на две минуты — и сами их легко приведете.

Спору нет, последний выбор между добром и злом, “благословением и проклятием” все равно остается за самим человеком. Но укорененных во зле, тянущихся ко злу всей душой, преданных ему “с потрохами” мы видим преимущественно на экранах телевизора и на страницах желтых газет. В жизни их не так уж и много. А вот слабых в добре, которых Ильин призывает принуждать к самопринуждению, за прошедшие сто лет стало существенно больше.

Несвободная воля

Слабоволие — вообще бич нашего времени. Алкоголики, наркоманы, игроманы, тунеядцы, сидящие на шее у близких, составляют заметную часть населения. Одна из самых распространенных жалоб родителей при обращении к психологу — это неспособность ребенка преодолевать трудности. При малейшей неудаче — истерический отказ. Подрастая, такие ребята попадают в группу риска и затем с высокой степенью вероятности оказываются среди вышеперечисленных маргиналов. А поскольку детей с параличом воли становится больше, то алкоголики, наркоманы, игроманы и проч. могут через какое-то время составить уже не заметную, а преобладающую часть населения. Если, конечно, остальные под влиянием проповеди псевдохристианского гуманизма будут, как огня, бояться обвинений в насилии и предоставят слабовольным право сделать свой выбор: беспрепятственно губить себя и других. Помните, несколько выше мы писали о том, что когда запрещаешь ребенку или даже здоровому оболтусу что-то авантюрное, опасное, вредное — он бунтует, ярится, готов смести на своем пути все преграды, а заодно и тебя растерзать. Но убедившись, что ваше слово — камень и на ваш запрет никакие истерические угрозы не действуют, резко смиряется и... БЫВАЕТ СЧАСТЛИВ. Столкнувшись с этим впервые, мы подумали, что нам показалось. Потом, когда подобная реакция повторилась, решили, что имеем дело с патологическим феноменом. В психиатрии ведь есть понятие “косая реакция”: внешняя реакция, например, выражение лица, не соответствует и даже противоположно испытываемой эмоции. Но когда случаев радостного облегчения после жесткого запрета накопилось достаточно много, мы стали приглядываться внимательней. В чем же дело? Ну то, что смирился человек, понятно. Оценил

свои силы и силы “противника”, понял, что стену лбом не прошибешь, и затих. Но почему он не расстраивается? Он же так хотел и не получил... И, кажется, наконец поняли. Душа, связанная страстями, уже не может сама сбросить эти путы. Однако она знает, что ее влекут не туда. Говорить о свободе воли, о свободном выборе просто смешно. Какая свобода?! И без того слабая воля подавлена греховными желаниями и привычками. Когда кто-то другой, более сильный преграждает путь, не дает увлечь душу в пропасть, она воспринимает этого человека как избавителя и потому радуется. Причем радуется будто бы сама по себе, отдельно от своего “носителя”, ум которого затуманен соблазнами и не в состоянии правильно оценить происходящее.

В более ярком виде описанный нами феномен наблюдается у бесноватых. Вот он рычит, отбивается от тех, кто его хочет подвести к святым мощам или к чудотворной иконе. При этом даже хрупкая женщина может проявлять недюжинную силу, так что ее с трудом удерживают несколько мужчин. Но кому из стоящих в храме придет в голову заикнуться о насилии (хотя оно налицо!) и о том, что бесноватого нужно предоставить его воле? Слишком очевидно, чья воля управляет этим несчастным.

Сейчас, пускай в стертой форме, признаки одержимости проявляются очень у многих молодых людей и подростков, да и не только у них. Как уже не раз бывало, примеряя будто сами идут в руки. Буквально несколько минут назад позвонила женщина из Подмосковья. Она хотела посоветоваться, можно ли домашними средствами преодолеть детскую психотравму. Ее восьмилетнюю дочь жестоко избили одноклассницы. (Невесело усмехнувшись, мама сказала: “У них это называется “забить стрелку”). Ударяли упавшую девочку ногами по голове, вырвали огромный клоч волос, и теперь проплешина величиной с ладонь. Разве это не беснование? Ведь речь идет не о парнях-хулиганах, а о совсем маленьких девочках, чей образ всегда ассоциировался с трогательной незащищенностью: кукла, мячик, бантики, плакса-вакса-гуталин...

Что касается подростков, то признаки одержимости почти тотальны. Замоороченные современной литературой по психологии и воспитанию детей, люди уже привыкли считать хамство, цинизм, агрессивность и неуправляемость неотъемлемыми свойствами переходного возраста. Но совсем недавно, еще на нашей памяти картина была иной. Конечно, в переходном возрасте дети обычно становились нервными, капризными, колючими, менее послушными. Но при чем тут неуправляемость? Неуправляемые попадали в колонии или в психиатрические больницы. Их было не так уж и много. И главное, воспринималось это как патология, требовавшая насильственной изоляции вкупе с принудительным лечением или (если в колонии) специальной воспитательной работой.

На самом деле нет ничего удивительного в том, что подростки (а теперь уже и многие дети) проявляют признаки одержимости. Никого же не удивляют факты массового отравления в местах, где заражена вода. А духовное заражение ничуть не менее опасно. И вероятность его сегодня крайне высока. “Источники инфекции” повсюду. С натиском глобализации они только множатся и усиливаются. Не будем их в который раз перечислять. Лучше поделимся очередным ярким впечатлением.

Крутицкое подворье. Душепопечительский центр во имя св. прав. Иоанна Кронштадтского, возглавляемый иеромонахом Анатолием (Берестовым). В кабинете психолога сидит девочка четырнадцати лет. Этакая пышноволосая восточная красавица. Милая, очаровательная, с доверчивой детской улыбкой на устах. Что она делает на Крутицах, куда приводят наркоманов, обезумевших игроков, зомбированных жертв тоталитарных сект? Но это непонятно только до тех пор, пока девочка молчит.

– Томочка, скажи нам, кого ты любишь больше всего? – спрашивает психолог, который явно видит ее не в первый раз.

Не меняя выражения лица, девочка отвечает скороговоркой:

– Вампиров, вампиров! Ой, как я люблю их! Какие они чудесные! Я их просто обожаю. Ой, какая вкусная кровь, она такая вкусная! Обожаю!

– Ее надо срочно госпитализировать. У нее шизофренический бред, – посоветовали мы коллеге, когда любительница вампиров вышла из кабинета.

– Ничего подобного, – возразил психолог. – Изначально у нее была здоровая психика. Но она дважды побывала на сатанинской оргии и повредила. Если бы вы знали, как часто нам приходится иметь дело с шизофреноподобным поведением! Здоровые дети выглядят как острые душевнобольные...

А сколько людей (не только детей, но и взрослых) находится сейчас в ненормально-возбужденном, истерическом, психопатоподобном состоянии! Слишком много в сегодняшней жизни факторов, растормаживающих сферу влечений и, следовательно, развинчивающих и разрушающих психику. Даже те, кто незнаком с психиатрией, знают, что истерический припадок или психопатический “выброс” можно быстро купировать силовым способом. Раньше истеричек били по щекам, на особо разбушевавшихся психопатов надевали смирительную рубашку. Сейчас таким делают укол. Тоже, кстати, насильно и тоже предварительно скрутив. Не будет же кто-то утверждать, что мужчина, пять минут назад гонявшийся за женой с топором, добровольно обнажит перед врачом “скорой помощи” ягодичную мышцу.

Но и не столь буйным полезно ставить рамки, когда их поведение за внутренние рамки выходит. Полезно для их же психики и, конечно, для безопасности окружающих, о правах которых тоже не стоит забывать.

Свеча для Андрюши

А ещё интересные мысли по поводу насилия обнаружили мы в книге С. А. Сошинского “Зажечь свечу” (РОО “Образование и здоровье”. 2005). Он взял на воспитание тяжелейшего аутиста. В четыре года активный словарь Андрюши составлял от силы 20–30 слов, да и те он произносил редко и далеко не всегда по назначению. Он был практически неконтактным и ничего не умел. О бытовых навыках, как пишет Сошинский, “говорить трудно, потому что это – почти сплошные “не”. Андрюша не умел одеваться – ни штанов, ни ботинок, ни рубашки. Умел есть ложкой, держа ее в кулаке. Но если за ним не следили, то охотно лакал из миски. Не умел рисовать. Не умел гулять, в том смысле, что не умел играть на улице. За несколько месяцев до его появления у нас его научили днем проситься на горшок. И это почти все...” “Много в его поведении напоминало скорее животного, а не человека. Например, если ему что-то не нравилось, он скалил зубы и мог укусить. Протест выражал громким воем, бегал на четвереньках и т. п.”

За несколько лет супруги Сошинские добились фантастических результатов. Мальчик стал говорить, читать, считать, писать, играть. Они привили ему навыки общения и самообслуживания. Сейчас он уже учится в школе (хотя и по индивидуальной программе), занимается музыкой и рисованием. Конечно, все это далось ценой каждодневного тяжкого труда, но ничуть не меньшее (если не большее!) значение имели принципы, которых придерживались воспитатели. “Мы вытаскивали его из аутизма СИЛОЙ”, – пишет Сошинский. И на протяжении книги знакомит читателей с конкретными проявлениями этого “насилия”. Процитируем несколько фрагментов.

Жирным шрифтом текст выделил сам автор. То, что нам показалось важным, выделено курсивом.

“Все воспитание на длительных первых порах (и даже до сих пор) строилось по принципу преодоления сопротивления ребенка ради помощи ему и ради его развития, в сочетании твердости и мягкости. Жизнь среди людей, как люди, Андрюша не умел и не хотел, и его приходилось искусственно вводить, часто втаскивать в этот мир до тех пор, пока **искусственно прививаемый** мир не начнет проявлять себя в Андрюше новыми для него стремлениями.

Выглядеть это могло, например, так. Андрюшу приглашали в хоровод перед елкой, но он убежал на четвереньках. Его вели кататься на ледянке – он уползал в сторону. Его *силой* сажали на ледянку и спускали с горы – он лежал внизу в своей отрешенности, не обращая внимания на ожидающих очереди других детей. И тогда приходилось *силой* возвращать Андрюшу в хоровод, пробуждать от спячки под горкой (просто тем, что отпускали следующего ребенка, который наезжал на него). Приходилось тянуть его на горку или тянуть на прогулку (а он расслаблял руки и ноги и волочился по снегу)” (стр. 47–48).

Предваряя эти цитаты, мы слово “насилие” взяли в кавычки. А вот представители западной коррекционной педагогики квалифицировали бы такие воспитательные приемы как подлинное насилие, ведь они придерживаются прямо противоположных принципов, о которых автор книги тоже вскользь упоминает: “Исходя из идеи, что “аутист живет в своем мире”, они пытаются свое

общение с ним приспособить к его укладу". И, добавив от себя, к его аутистическим привычкам. Однажды нам довелось посетить на Украине детский сад для аутистов, сотрудники которого работали по английским методикам. Причем наш визит совпал с визитом кураторов из Лондона, благодаря чему мы имели возможность наблюдать так называемый "мастер-класс", когда англичане показывали, как именно полагается работать с РДА (ранним детским аутизмом).

Аутистам присущи стереотипные действия, и кто-то из английских специалистов в течение долгого времени монотонно переключал вместе с ребенком мелкие предметы из одной кучки в другую. Второй, сидя с малышом на полу, раскачивался вместе с ним взад и вперед. Третья (это была женщина) пыталась установить контакт с пятилетним аутистом, ползая с ним по ковру. Результаты работы были налицо: дети, посещавшие сад в течение двух-трех лет, если и продвинулись в своем развитии, то совсем не так, как мальчик Андрюша. А точнее, это не шло ни в какое сравнение. Успехи были не сопоставимые. Так же, как, впрочем, и методы.

Когда общение с аутичным ребенком пытаются приспособить к его укладу и привычкам, то, например, изобретают особые карточки. На них (предоставим слово Сошинскому) "изображаются действия, которые хотел бы осуществить ребенок: еда, прогулка и другое. И вместо того, чтобы научить ребенка-аутиста сделать трудное для него, но важное дело, именно, чтобы он сказал: "Я хочу есть", — ему предлагается молча показать карточку с нарисованной миской и ложкой. Коммуникация облегчается, но приобретает тупиковый характер. Общение с помощью карточек не вводит ребенка в человеческий мир, оставляет его изолированным" (стр. 39).

Сошинские же решили "не понимать жестов, если они не подкреплены речью или хотя бы ее попыткой. Андрюша, например, тыкал в банку с сахаром. Наташа (бабушка) "не понимала" этого жеста. Это "непонимание" продолжалось полчаса, час. Андрюша кричал, залезал под стол, убежал в конец коридора, опять приходил. Наташа старалась помочь ему вопросами, подсказками. Говорила: "Я не понимаю". Он опять кричал, тыкал пальцем, шла борьба. Окружающие, и я в том числе, часто не выдерживали: "Да дай ты ему сахар, пусть замолчит". Она отвечала: "Если я ему сейчас дам, в другой раз я из него слова не выжму". Наконец, он говорил: "Сыпь, сыпь!" или "Саха, саха!" Тогда она подсказывала: "Скажи: бабушка, насыпь сахар". Но Андрюша не мог сказать ни одного из этих слов, и она диктовала ему по слогам. Важным было добиться **попытки** сказать. Это значит, он готов к сотрудничеству. Добиваться хорошего качества речи было неразумно: он не мог этого сделать. Нужно было закрепить его готовность принять требования, и если он делал хотя бы какое-то усилие произнести за ней слоги, она исполняла его просьбу. Требования к Андрюше повышались по мере того, как возрастали его возможности" (стр. 45).

Ну, и, конечно, самое страшное насилие заключалось в запрете аутистического поведения. С позиций либерального гуманизма это вообще чудовищное варварство. Как можно запретить человеку, тем более исключительному, особому (они же не употребляют слова "больной", "инвалид", поскольку они оскорбительны), быть самим собой?! Почитаем, что пишет С. А. Сошинский: **"Запрет аутистических форм поведения, аутистических хобби** означал на первом этапе запрет общения с собакой, развлечения открыванием и закрытием дверей, зажиганием и гашением света, бесцельного созерцания улицы в окно, вообще запрет бесцельного сидения. А поскольку ничего, кроме этого, Андрюша вначале и не умел, ему было запрещено, можно сказать, все. Взамен ему предлагалось делать то, что он не привык, не умел, не хотел — учиться говорить, быть с детьми, и т. д.

Запрет общения с собакой объяснялся тем, что Андрюша играл с нею, как животное играет с животным, а не так, как играет человек. Это было со стороны Андрюши компенсаторное, заместительное человеческому общению. Все заменители из жизни Андрюши по возможности удалялись. Пусть он слабо, с трудом, но осваивает подлинное общение людей, подлинную речь, подлинный мир человека. Кроме того, Андрюша кусал и щипал собаку, и она кусала его в ответ. Поэтому проще было запретить подходить к собаке.

По той же причине устранения компенсаторного, аутичного мира, которм Андрюша замещал неудавшуюся, сложную человеческую жизнь, ему

запрещались остальные перечисленные развлечения – все бесцельные, отупляющие занятия. Компенсаторный аутичный мир отделял его от мира людей и потому по возможности разрушался нами твердо и спокойно... Была спрятаная и игрушка, которую подарили на прощанье его родители: нажатие кнопки приводило ее в движение, крутились пестрые колеса, мигали лампочки, звучала какая-то музыка. Эта игра не могла ничему научить Андрюшу. Всякое занятие, не имеющее сложности и цели, по возможности отодвигалось от него” (стр. 46–47).

К счастью для Андрюши, в нашей стране еще не удалось внедрить систему ювенальной юстиции. А то его некому было бы воспитывать. Разве допустили бы защитники детских прав такое грубое насилие? Права мальчика были бы защищены на все сто: право на безволие, тяжелую инвалидность, животное состояние.

Насилие против зла

Читатель, наверное, недоумевает, почему мы уделили столько места описанию работы с аутистом. Ведь это не специальная статья по методам коррекции. А дело здесь в том, что книга “Зажечь свечу” проливает свет на многое, лежащее, казалось бы, за рамками лечебной педагогики. Нам, по крайней мере, она объяснила массу странностей поведения вроде бы нормальных, здоровых людей. К примеру, мы недоумевали, почему все чаще и чаще встречаешь подростков, которые принимают в штыки любые новые занятия, отказываются даже от тех видов деятельности, которые традиционно вызывали у ребят этого возраста восторг. (Например, сходить в поход или заняться борьбой.) Почему столь у многих нет любознательности или выраженных научно-познавательных интересов? Нет целеустремленности? Почему они так безвольны, расслаблены, пассивны во всем, что не относится к непосредственному получению удовольствия? “Он (Андрюша) застывал над любым занятием на долгие часы... Если его утром не поднять – он остался бы в кровати хоть до вечера. Также часами он мог сидеть на горшке или с одной одетой штаниной... Где бы его ни оставили, он почти тотчас находил какое-нибудь расслабленное положение, приваливался куда-то и созерцал – стену, потолок, что-то еще”, – так пишет С. А. Сошинский об Андрюше. Но сколько родителей, чьи дети не имеют ничего похожего на страшный диагноз “аутизм”, могли бы написать или сказать то же самое. (Нам, во всяком случае, рассказывают достаточно часто.)

А сколько взрослых, которых кто-то или что-то (например, доставшаяся в наследство вторая квартира) содержит, ведут такой же бесцельный, расслабленный образ жизни! Разве что на горшке часами не сидят, но зато просиживают или пролеживают сутками перед телевизором, тупо уставившись в экран и так же тупо, бесцельно переключая кнопки. Не для того чтобы, досмотрев до конца одну передачу, увидев другую – нет, просто так, автоматически.

А неумение общаться, формальная контактность, отсутствие сопереживания – черты, составляющие основу характера аутиста? Разве они, пусть в менее острой форме, не проявляются сейчас у заметного числа здоровых людей?

“Обычно Андрюша ни с кем не общался. В нем не было резкого отрицания, но не было и точек соприкосновения, он общаться не умел и не хотел. Было безразличие. Казалось, кроме двух-трех человек, все были для него буквально на одно лицо... Придет ли кто, уйдет – ему безразлично. Сам обращался к нам лишь по необходимости и чаще всего ради еды”.

Но ведь и многие дети, в психическом здоровье которых никто не усомнится, сейчас общаются крайне поверхностно, ситуационно, функционально. Спросить: “Как зовут мальчика, с которым ты играл во дворе?” – Не знает. “А где он живет? В какой школе учится? Кто его родители? Есть ли у него братья и сестры?” – Понятия не имеет, а главное, совершенно не интересуется и недоумевает, почему ему задают такие вопросы. Ведь это совершенно лишняя для совместной игры информация. Какое ему дело, где работает отец его нового безымянного приятеля? Его и работа собственного отца не интересует.

Ну а подростки, которые сидят, закрывшись в своей комнате, отгородившись от окружающих наушниками, экраном компьютера? Они тоже часто

общаются с родными, как Андрюша: когда хочется есть или нужны деньги. Да и взрослые, поглощенные телевизором, разве они не аутизировались? Мало того, что радости экрана они предпочитают радости живого общения, так даже сделав перерыв на обед или ужин и сидя с родными за столом, не делятся впечатлениями от увиденного. Казалось бы, вот она, “валюта” общения! Ничего не надо изобретать. У тебя же столько впечатлений. Ты столько всего узнал – поделись, расскажи! Но нет потребности даже в таком облегченном контакте.

Ведь только-только, всего несколько лет назад люди были совсем в другом состоянии. Многие тогда уже пристрастились к телевизору, но аутизации еще не произошло. Наоборот, хотелось поделиться впечатлениями, позвонить знакомым по телефону, чтобы они поскорее включили, а потом еще раз позвонить и обсудить просмотренную передачу...

Классический признак аутизма – частое использование к месту и не к месту речевых штампов. Как будто у аутиста в голове крутится магнитофонная лента, и изо рта выскакивают обрывки фраз, клише. Но послушаем, как обмениваются репликами молодежные стайки, заглянем в интернетный ЖЖ (“Живой журнал”) или на какой-нибудь интернетный молодежный форум. Заштампованность речи, вполне сопоставимая с аутистической, часто отсутствует смысла...

Но если аутист Андрюша (и многие дети со сходным диагнозом, которых мы знаем) так яростно сопротивлялся попыткам разгерметизировать его болезненный мир, то не наивно ли полагать, что аутизированные люди легко и, главное, добровольно покинут свою аутистическую скорлупу? Может, логичнее предположить, что они тоже будут сопротивляться? И потом, уместно ли здесь говорить о добровольности? Разве это ДОБРАЯ воля, если она ведет человека к злу? Нет, это ЗЛОволие, а не добровольность. Поэтому в христианских (и других религиозных) государствах не только общественная мораль, но и законы старались оградить людей от свободного проявления злой воли. Оградить ПОД УГРОЗОЙ НАСИЛЬСТВЕННОЙ КАРЫ.

Что бы сказал, к примеру, преп. Иосиф Волоцкий, услышав, что женщина вправе распорядиться собственным телом (то есть заниматься проституцией и делать аборт), что только бессердечные изверги, не имеющие понятия о христианском милосердии, ратуют за уголовное наказание содомитов, что государственная цензура абсолютно недопустима, так как человек рожден свободным и имеет право творчески самовыражаться, как ему вздумается?

Даже полтысячелетия спустя, в XX веке, веке отдаления с последующим отдалением Церкви от государства, власти и общество все равно достаточно жестко препятствовали свободе зловолия. Препятствовали, еще раз подчеркнем, откровенным насилием.

Весной 2005 года, когда в Москве “нетолерантные” граждане решительно воспротивились проведению парада извращенцев, было много публикаций на эту тему. Из некоторых таких публикаций мы с удивлением узнали, что даже на Западе еще недавно содомский грех карался тюрьмой. Лишь в 70-е годы, когда в мире стала все уверенней утверждаться извращенная система ценностей, которая, как теперь понятно, лежит в основе глобалистского проекта, соответствующие законы были упразднены. И обществу начали усиленно “промывать мозги”, перевоспитывая его “в духе любви и кротости” к содомскому разврату. Поэтому предложение вернуть статус-кво всего лишь тридцатилетней давности вызывает истерическую ярость, будто речь идет о возвращении первобытной дикости, чуть ли не людоедства.

До самого последнего времени не искажено было и отношение к алкоголикам, наркоманам, душевнобольным. И государство, и общество, и специалисты понимали, что эти люди за себя отвечать не в состоянии. Что единственная возможность спасти их от погибели – принудительно, то есть насильно, лечить. Причем в условиях строгой изоляции.

Когда же бесчестными правителями был взят курс на разрушение государства, принудительное лечение было отменено. И до сих пор, стоит завести об этом речь, правозащитники, как старые полковые лошади, слышавшие звук трубы, кидаются в бой. Кто посмел нарушить права человека? Новый ГУЛАГ не пройдет!

И каждый год людей в нашей стране становится меньше почти на миллион. Как бы само собой. В то время как США, главный геополитический

противник России, старается оздоровить свое население (в том числе жестко и повсеместно запрещая людям курить, а молодежи до 21 года – потреблять спиртные напитки, включая пиво, даже у себя дома), наши проамериканские политики и общественники устраивают скандал при любой попытке хоть как-то оградить россиян от спаивания и наркотизации. В итоге Америка наращивает молодое боеспособное население, а у нас “борцы с насилием” целенаправленно уничтожают потенциальных воинов, поскольку от алкоголизма, наркомании и прочих “радостей жизни” гибнут в основном мужчины призывного возраста.

Помните историю со злополучным постановлением правительства о средних разовых дозах наркотиков, по которому человек, если у него находили девять доз героина, отделялся не столь уж обременительным штрафом? Да, постановление через два года с огромным трудом удалось отменить. Но сколько людей за это время погибло! Министр обороны США ратует за увеличение американской армии на 90 тыс. человек. У нас же за период действия вышеупомянутого постановления от одной передозировки умирало по 70 тыс. молодых людей в год. Что ж, весьма успешная военная операция. Успешная для противника.

И разглагольствования о ненасилии и об отсутствии у России врагов есть не что иное, как идеологическое обеспечение подобных операций, неотъемлемая составная часть информационной войны. Эксплуатируя и извращая христианские этические принципы, играя на лучших чувствах, “псы войны” (the dogs of war – прозвище наемников) стремятся, как принято говорить у военных, деморализовать народ. Особенно его самую активную часть – православное сообщество.

Но, похоже, у людей постепенно вырабатывается сопротивляемость к либеральным манипуляциям. Нас очень порадовало то, что написал в своей книге “Лоскутки” прот. Всеволод Чаплин: “Старые безбожники создали, а новые культивируют очень популярный миф: после революции весь народ в одночасье отвернулся от Церкви и пошел громить храмы. Да так ли уж и весь? Сегодня мы открываем для себя историческую правду. “Красных террористов”, по сути, было не так много. И им отчаянно сопротивлялись – не только Белое движение, но также участники крестьянских и казачьих восстаний, многие политики, лучшая часть интеллигенции... Почему же хранители российских традиций потерпели поражение? Почему две-три сотни красноармейцев легко брали власть в городах, совершенно не настроенных их поддерживать? Выскажу парадоксальную мысль: так произошло из-за православного воспитания большинства народа. Люди, приученные любить, уступать и прощать, были попросту неспособны стрелять сразу, без разбора и по всякому поводу, как это делали красные.

В годы революции и Гражданской войны победили не народная воля, а наглость и дикая жестокость. Хорошо это или плохо? Пусть Господь судит. Духовная, а в конце концов и историческая победа оказалась на нашей стороне. Но нам дан урок на будущее: защищать веру, защищать ближних нужно бесстрашно и безжалостно к врагам. Так же решительно, как нужно подставлять вторую щеку личному недругу” (“Православная беседа” № 4, 2006, стр. 4–5).

Зло сейчас активно наступает и так глухо к вразумлению, что противодействовать ему можно только силой. Духовной и физической. Удастся ли переломить ситуацию, одному Богу известно. Наше дело – приложить максимум усилий и понять, что множественного выбора, как в супермаркете, у нас нет. Выбор всего один: между насильственным ограничением зла и диктатурой зловолия. Вот она-то непременно обернется возвращением ГУЛАГа. Только уже всемирного, глобалистского, с использованием новейших технологий.

О ГУЛАГе XXI века

“Современным “непротивленцам”, пожалуй, полезно посмотреть по интернету казнь Саддама Хусейна. Что это, как не возвращение в обиход публичных казней? Только публики в миллионы раз больше, чем было когда-то на площадях.

А еще небезынтересно ознакомиться с коротенькой заметкой израильского публициста Исраэля Шамира, красноречиво называющейся “Нарком Ежов в США”. Приводим с некоторыми сокращениями (жирный и крупный шрифт – авторский): “На этой неделе Запад сделал еще один шаг в оруэлловский мир 1984 года. **Конгресс США одобрил законопроект, дающий правительству право арестовывать, держать в заключении, пытать и не допускать адвокатов к заключенным.** Даже в проклинаемой сталинской России не было таких законов. **Заодно США практически вышли из Женевских конвенций – американские суды не имеют больше права учитывать эти важные международные документы, если правительство возражает.**

Новое законодательство называется “Указ о военных коллегиях”, и оно ликвидирует традиционный англо-саксонский порядок habeas corpus, по которому через суд можно было потребовать у властей предьявить заключенного и сказать, в чем он обвиняется. **Теперь любой человек на земле может быть “ЗАКОННО” брошен в американский ГУЛАГ на Гуантанамо или в любом другом месте.** Президент, и только он, решает, что является пыткой. Травить псами – пыткой не является. Нельзя привлечь к суду американских кагэбэшников, что бы они ни делали. Остался нерешенным вопрос, насколько эти законы могут применяться к американским гражданам, но администрация настаивает и на этом.

На смену сталинскому ОСО (особому совещанию) в Америке создаются военные коллегии, которые могут судить “незаконных комбатантов” и просто граждан, причем коллегии могут использовать признания, полученные под пыткой. Коллегия может использовать закрытые показания контрразведки, не показывая их обвиняемому, и приговаривать к смертной казни. Теперь арестованных можно держать неограниченное время и скрывать факт их задержания. Таким образом, в США в наши дни были ликвидированы все основные свободы граждан, завоеванные буржуазными революциями.

Так сбылось предсказание Юджина Ростоу, американского политолога русского происхождения. В начале 1960-х Ростоу писал о неминуемой конвергенции советского и капиталистического строев. Однако оптимист Ростоу считал, что возникший в результате конвергенции режим унаследует лучшие черты своих предшественников. Тут он ошибался. Сейчас Запад утратил свои преимущества, а Восток – свои. Безработица, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, необходимость платить за школу и врача пришли и в Россию. Сталинские ОСО, недреманные око Большого Брата, пришли на Запад... **Более трех миллионов человек сидят в американском ГУЛАГе, принося прекрасные дивиденды хозяевам приватизированных тюрем.**

Место 58-й статьи заняло новое законодательство о “поддержке терроризма”. Американский профессор, осудивший пытки в Гуантанамо, лишился работы и был привлечен к ответственности за “поддержку террористов”. Филантропическая организация, собиравшая деньги в помощь обнищавшим жителям Газы, лишилась средств и была запрещена по той же причине.

Американские демократические обозреватели все чаще говорят о победе фашизма. Победа 1945 года кажется зачастую только ступенью в споре – каким путем будет развиваться тоталитарная фашистская модель мира. Вместо неуклюжей, склонной к национальной архаике немецкой модели, вместо советской с ее заботой о человеке человечество идет к жесткой и не склонной к сантиментам тирании. И на этом фоне Россия снова может показаться царством свободы. **Недаром на интернет-бордах западные радикалы все чаще обсуждают возможность эмиграции в Россию...** (“Политический журнал”, архив № 37–38 (132–133) 19 октября 2006 г.)

Может, хотя бы из сочувствия к западным радикалам перестанем твердить о недопустимости любого насилия? А то, если тут свободно и вольно воцарится вышеописанная тирания, беднякам некуда будет литься...